

Мир Французской революции

А. В. Чудинов

История
Французской
революции
*пути
познания*

Мир Французской революции

Александр Чудинов

**История Французской
революции: пути познания**

Автономная некоммерческая организация
"Издательство "Политическая энциклопедия"

2017

УДК 94(44)
ББК 63.3(4Фра)

Чудинов А. В.

История Французской революции: пути познания /
А. В. Чудинов — Автономная некоммерческая организация
"Издательство "Политическая энциклопедия", 2017 — (Мир
Французской революции)

ISBN 978-5-8243-2129-6

Монография посвящена истории изучения в России Французской революции XVIII в. за последние полтора столетия - от первых опытов «русской школы» до новейших проектов, реализуемых под руководством самого автора книги. Структура работы многослойна и включает в себя 11 ранее опубликованных автором историографических статей, сопровождаемых пространными предисловиями, написанными специально для этой книги и объединяющими все тексты в единое целое. Особое внимание уделяется проблеме разрыва и преемственности в развитии отечественной традиции изучения французских революционных событий конца XVIII в. Книга предназначена читательской аудитории, интересующейся историей Франции. Особый интерес она представляет для профессоров, преподавателей, аспирантов и студентов исторических факультетов университетов. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(44)
ББК 63.3(4Фра)

© Чудинов А. В., 2017

ISBN 978-5-8243-2129-6

© Автономная некоммерческая
организация "Издательство
"Политическая энциклопедия", 2017

Содержание

Предисловие	8
Глава 1	10
«Русская школа»: выбор пути	14
Глава 2	26
Огюстен Кошен и его вклад в историографию Французской революции	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Чудинов История Французской революции: пути познания

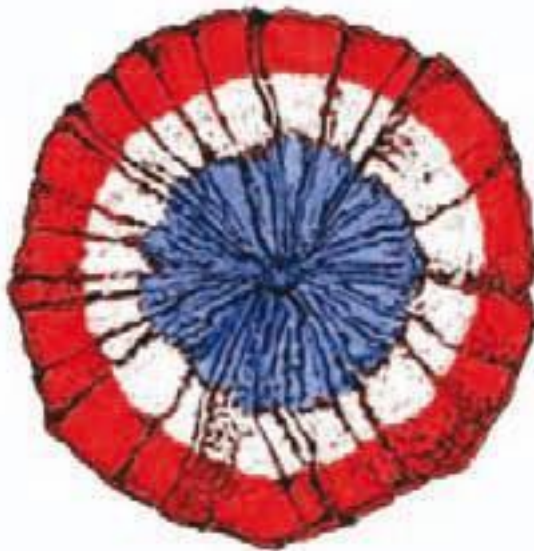
*Памяти моего Учителя
Геннадия Семеновича Кучеренко посвящаю*

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Мир Французской революции

Alexander Tchoudinov
History of the French revolution
ways of knowledge

Рецензенты:

член-корреспондент РАН П. П. Черкасов
доктор исторических наук Н. П. Танышина

Александр Викторович Чудинов – доктор исторических наук, руководитель лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» Института всеобщей истории РАН, главный редактор международного издания «Французский ежегодник»

© Чудинов А. В., 2017

© Политическая энциклопедия, 2017

Предисловие

Диалоги с живыми и мертвыми

*И прямо со страницы альманаха,
От новизны его первостатейной,
Сбежали в гроб ступеньками, без страха,
Как в погребок за кружкой мозельвейна.*

*О. Э. Манделштам
«К немецкой речи»*

Говоря о преимуществах чтения, замечательный итальянский писатель и ученый Умберто Эко, ныне сам уже ставший легендой, однажды заметил: «Книга страхует нашу жизнь, дарует маленькое бессмертие. Увы, жизнь наша продлевается в прошлое, не в будущее. Но нельзя получить все сразу»¹.

Слова о продлении жизни в прошлое, как мне кажется, особенно верны в отношении книг по истории, которые позволяют читателю включить в пределы своего бытия целые столетия минувших эпох. Пишущие же такие книги и вовсе обладают удивительной способностью пробуждать к жизни людей, давно окончивших путь земной, причем не только героев исследований, но и своих коллег-историков, в прошлом занимавшихся изучением тех же сюжетов. Начиная разработку практически любой темы, в XXI в. уже редко кому удастся отправиться в путь по абсолютно не тронутой целине: мы так или иначе соприкасаемся с наследием предшественников, ранее изучавших те же предметы, опираемся на собранный ими материал, развиваем или опровергаем их идеи. И когда мы отправляемся через Стикс, чтобы услышать давно умолкшие голоса и вступить в диалог с ушедшими, рождается историографическое исследование. Порою нашими собеседниками становятся старшие современники, которых мы еще успели застать при их жизни, но которых сегодня уже нет с нами, порою – историки, жившие и работавшие за много десятков лет до нашего рождения, те, с кем лично мы не имели ни малейшего шанса свидеться, но чьим мнением до сих пор дорожим. Этот разговор живых и мертвых и составляет саму суть историографической традиции, обеспечивая ее непрерывность на протяжении столетий, несмотря на переменчивый, в силу естественных причин, состав участников «беседы».

Впрочем, историографические штудии не всегда ведут на другой берег Стикса. Нередко они представляют собой опосредованный диалог по той или иной научной проблеме с коллегами-современниками – диалог, перерастающий временами в жаркую дискуссию, которую не остужает даже разделяющее ее участников пространство.

И наконец, иногда автор обобщающей историографической работы, не стремясь кому-либо что-либо доказать, предлагает вниманию широкого читателя (узкие специалисты и сами в курсе) обзор текущих исследований по своей тематике, фиксируя состояние таковых на данный момент. В этом случае его собеседниками помимо современной ему читающей публики становятся историки будущего – те, кто многие годы спустя захочет понять перипетии нынешней ситуации в этой области исследований. Например, для интересующихся сегодня историей изучения в России начала XX в. Французской революции бесценным источником являются подобные «инсайдерские» обзоры, время от времени публиковавшиеся тогда Н. И. Кареевым.

¹ Эко У. Почему книги продлевают нам жизнь // Эко У. Картонки Минервы: Заметки на спичечных коробках. М., 2015. С. 296.

То есть и в этом случае историография представляет собою диалог между поколениями ученых, разделенными бездной времени.

Автор этих строк, не являющийся профессиональным историографом и занимающийся в основном изучением конкретных событий истории Французской революции, тем не менее за более чем три десятка лет своей научной карьеры отдал дань всем выше описанным формам историографического диалога с живыми и мертвыми. Причем сделал это в таком объеме, что ранее опубликованных текстов набралось теперь, как читатель сам может убедиться, на целый том, который я и предлагаю его вниманию.

Вместе с тем, настоящая книга отнюдь не является традиционным сборником статей. Публикуемые здесь тексты предваряются подготовленными специально для этого издания вступлениями с описанием обстоятельств появления каждого из них на свет, а в ряде случаев и с нынешними уточнениями высказанных мною ранее оценок. Иными словами, к упомянутым выше формам межвременного диалога добавляется еще одна – сегодняшний диалог автора с самим собой образца восьмидесятых, девяностых и нулевых годов.

При подготовке настоящего издания некоторую сложность представлял выбор последовательности размещения публикуемых текстов, поскольку это можно было сделать двумя способами: а) по хронологии выхода в свет тех исследований, которые стали предметом историографического анализа автора; б) по хронологии публикации работ самого автора об этих исследованиях. В результате я отдал предпочтение первому из указанных подходов: мои тексты о более ранних периодах историографии предваряют те, что посвящены более поздним, независимо от времени публикации самих этих текстов.

И еще. Объединяя под одной обложкой работы, выходившие в разное время, трудно избежать отдельных повторов. Заранее прошу у читателя прощения, если ему покажется, что автор слишком много внимания уделяет той или иной мысли, вновь и вновь обращаясь к ней в разных главах. Увы, таковы издержки жанра.

Ну а теперь, как однажды позвал, правда, в несколько иной связи, наш коллега-историк: «Вперед, к Геродоту!»². Ладья Харона ждет у берега...

² *Бойцов М. А.* Вперед, к Геродоту! // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 1999. Вып. 2. М., 1999. С. 17–41.

Глава 1

Истоки

Вначале был Герье. Не часто так случается, чтобы дату возникновения целого направления историографии можно было определить с точностью до одного дня. Между тем в отношении «русской школы» историков Французской революции это вполне реально. Начало изучению в России этой темы было положено 6 сентября 1868 г., когда Владимир Иванович Герье приступил к чтению соответствующего курса лекций в Московском университете.

То, что произошло потом, похоже на чудо: за два-три последующих десятилетия сам Герье, его киевский коллега Иван Васильевич Лучицкий, их ученики, а затем и ученики их учеников создали одну из ведущих в мировой историографии Революции научных школ – *école russe* («русскую школу»), как назвали ее французские исследователи. Похоже на чудо, потому, что все произошло практически на пустом месте, при полном отсутствии какой-либо традиции изучения данной проблематики в нашей стране. Тем не менее именно ученым «русской школы» удалось в кратчайшие сроки достичь такого уровня интеграции в мировую науку, о котором отечественным историкам до сих пор остается только мечтать.

Но «не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и дому своем». Пришедшие после 1917 г. на смену «русской школе» советские историки-марксисты решительно отвергли ее наследие (подробнее об этом рассказано в третьей главе книги). Начиная с рубежа 1920-1930-х гг. о появившихся в лоне «русской школы» научных работах советские исследователи упоминали в основном лишь для критики и опровержения³. В историографическом разделе фундаментального обобщающего труда 1941 г., ставшего квинтэссенцией довоенных исследований советских ученых о Французской революции, определение «русская школа» распространялось только на ее либеральных представителей – Н. И. Кареева, И. В. Лучицкого и М. М. Ковалевского, за которыми признавалась, по крайней мере, заслуга введения в научный оборот большого фактического материала, хотя при этом настойчиво подчеркивалось: они так и не смогли сделать из него правильных выводов. А вот отец «русской школы» В. И. Герье, как и его ученик П. Н. Ардашев, в число историков «русской школы» включены не были. Их лишь мимоходом упомянули как «реакционных русских ученых»⁴.

Творческое осмысление и освоение научного наследия дореволюционных историков Французской революции советские исследователи начали достаточно поздно – в 1950-е гг. Первопроходцем в этом деле был Борис Георгиевич Вебер (1902–1984). Поступив в 1926 г. в аспирантуру Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН)⁵, Б. Г. Вебер вместе с Б. Ф. Поршневым, А. З. Манфредом и рядом других в дальнейшем известных историков учился там у Н. М. Лукина и В. П. Волгина, мэтров марксистско-ленинской историографии, руководивших тогда в СССР исследованиями по истории стран Запада. В 1930-е гг. Б. Г. Вебер занимался широким кругом разноплановых сюжетов по истории колониализма и международных отношений. Принял участие он и в упомянутом выше коллективном труде о Французской революции как автор разделов о революционных событиях в Брабанте 1788–1789 гг. и внешнеполитической ситуации 1789 г. В 1950 г. Б.

³ См., например: *Далин В. М.* Мануфактурная стадия капитализма во Франции XVIII века в освещении «русской школы» // *Историк-марксист.* 1929. Т 14. С. 68–116.

⁴ Французская буржуазная революция 1789–1794 / под ред. В. П. Волгина и Е. В. Тарле. М.; Л., 1941. С. 714–717.

⁵ Об этой кузнице советских научных кадров подробнее см.: *Калистратова Т. И.* Институт истории ФОН МГУ-РАНИОН. Н. Новгород, 1992.

Г. Вебер пришел на работу в Институт истории АН СССР. Там он и стал специализироваться на изучении проблем историографии и, в частности, научного наследия «русской школы»⁶.

В 1953 г. Б. Г. Вебер опубликовал биографическую заметку о Н. И. Карееве в «Большой советской энциклопедии»⁷, а уже в 1955 г. выпустил свою первую исследовательскую статью о вкладе «русской школы» в изучение Французской революции⁸. Эта работа, бесспорно, несла на себе ярко выраженную печать времени, изобиловала идеологическими штампами и терминологией в духе вульгарного социологизма (чего стоит один только вывод о том, что идейная эволюция «русской школы» отражала «превращение русского помещичье-буржуазного либерализма в либерализм буржуазно-помещичий»⁹) и сегодня выглядит безнадежно устаревшей, но тем не менее ей надо отдать должное как первой, пусть еще очень осторожной (а к иному времени не располагали), попытке показать, что не только собранный представителями «русской школы» обильный фактический материал, но и предложенная ими его интерпретация обладает, по крайней мере в некоторых своих аспектах, несомненной научной ценностью. Впрочем, такая «амнистия» была отнюдь не всеобщей, а касалась только Кареева. За Герье же Б. Г. Вебер признавал лишь одну заслугу – то, что он положил начало изучению в России истории Французской революции. К собственно же научным идеям основоположника «русской школы» автор статьи относился весьма критически как к идеологически чуждым.

В последующие годы Б. Г. Вебер продолжил исследования по данной тематике, включив в круг своих научных интересов также творчество И. В. Лучицкого и М. М. Ковалевского¹⁰. Итогом его многолетней работы над этими сюжетами стал целый ряд исследовательских и энциклопедических статей, главы в учебнике по историографии, докторская диссертация (1970)¹¹ и фундаментальная монография под неприятным названием «Историографические проблемы»¹². Во многом благодаря усилиям именно Б. Г. Вебера вклад И. В. Лучицкого, М. М. Ковалевского и Н. И. Кареева в историографию Французской революции получил признание в советской науке, а их труды вошли в обязательный для специалистов по этой теме круг чтения.

Однако Вебер так и не смог преодолеть свое неприятие Герье, обусловленное сугубо идеологическими мотивами. Несогласие Герье с теми из современников, кто считал революцию в России предопределенной самими законами истории, Вебер оценивал как проявление «реакционности» в политическом отношении и «идейной скудости» в научном: «Герье первым из русских либералов приступил к конкретной разработке на французском материале характерного для тогдашнего русского либерализма противопоставления неревolutionного якобы пути России революционному пути Франции. <...> Этим в основном и определяется место Герье в развитии русской либеральной историографии, Герье, прошедшего длинный путь от последних реминисценций либерально-реформистского “просветительства” <...> до откровенного черносотенства»¹³.

Сформулированные в XIX столетии методологические установки Герье, которые сегодня, в XXI в., вполне соответствуют духу нашего времени, тогда, в середине века XX, вызывали у сторонника марксистского монизма настоящее отторжение: «Герье заявлял уже во

⁶ Краткую биографию Б. Г. Вебера см.: Дунаевский В. А. Борис Георгиевич Вебер (1902–1984) // История и историки. Историографический ежегодник. 1982–1983. М., 1987. С. 284–288.

⁷ Вебер Б. Г. Н. И. Кареев // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1953. Т. 20. С. 165–166.

⁸ Вебер Б. Г. Первое русское исследование Французской буржуазной революции XVIII в. // Из истории социально-политических идей: сб. статей к 75-летию акад. В. П. Волгина. М., 1955. С. 643–663.

⁹ Там же. С. 645.

¹⁰ Вебер Б. Г. Изучение новой истории // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 393–483; Он же. Изучение истории нового времени // Там же. М., 1963. Т. 3. С. 449–487.

¹¹ Библиографию работ Б. Г. Вебера см.: История и историки. Историографический ежегодник. 1982–1983. С. 289–292.

¹² Вебер Б. Г. Историографические проблемы. М., 1974.

¹³ Он же. Образование русской либеральной традиции в историографии Великой французской революции // Французский ежегодник. 1960. М., 1961. С. 498–499.

всеуслышанье, что история – не точная наука, никогда не будет ею, что она относится к области субъективного и поэтому поиски объективной закономерности в истории беспредметны. Это не значит, что Герье с самого же начала строго придерживался этого *разрушительного для истории как науки подхода* [курсив мой. – А. Ч.] <...> Тем не менее тенденция эта проявлялась у Герье уже в ранний период его работы над связанными с революцией темами, а в дальнейшем все более и более усиливалась»¹⁴.

Одним словом, «амнистии», по мнению Б. Г. Вебера, Герье не заслужил.

Начало академической «реабилитации» Герье и вовлечению его творческого наследия в научный оборот было положено гораздо позднее – работами исследовательницы из Чебоксарского государственного университета Татьяны Николаевны Ивановой. В 1984 г. она защитила кандидатскую диссертацию об отце «русской школы», а в дальнейшем успешно продолжила свои исследования по данной тематике, доведя их до уровня докторской¹⁵.

В перестроечный и особенно постсоветский период история «русской школы» стала одним из любимых сюжетов для отечественных специалистов по историографии¹⁶. Особо отмечу профессора Василия Павловича Золотарева, не только лично внесшего большой вклад в исследование жизни и творчества Н. И. Кареева¹⁷, но и создавшего у себя в Сыктывкарском государственном университете целую историографическую школу по изучению наследия этого историка и его учеников¹⁸.

Не обделен в наши дни вниманием историографов и В. И. Герье¹⁹. Однако современные отечественные исследователи рассматривают и его творчество, и творчество его учеников пока в основном как феномен российской историографии. Оценка же достижений «русской школы» в соотношении с процессами, происходившими в современной ей мировой науке, еще только начинается.

Вот почему, когда известный французский историк-русист и мой добрый друг Владимир Берелович в 2008 г. пригласил меня принять участие в парижском коллоквиуме «Европа в России: культурные и научные связи от Петра I до Серебряного века», я и выбрал для выступления тему об отношении В. И. Герье к новейшим тенденциям во французской историографии его времени. Позднее на основе доклада был написан предлагаемый ниже вниманию читателей очерк, вышедший сначала в России²⁰, а затем, в несколько расширенной версии, и во Франции²¹.

¹⁴ Там же. С. 500–501.

¹⁵ *Иванова Т. Н.* Герье и начало изучения Великой Французской революции в России: автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1984; *Она же.* Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары, 2009; *Она же.* Научное наследие В. И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века). Чебоксары, 2010; *Она же.* Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века): автореф. дис... докт. ист. наук. Казань, 2011.

¹⁶ См., например: *Мяжков Г. П.* «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988; *Она же.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000; *Погодин С. Н.* Русская школа историков. Кареев. Лучицкий. Ковалевский. СПб., 1997.

¹⁷ *Золотарев В. П.* Историческая концепция Н. И. Кареева: содержание и эволюция. Л., 1988.

¹⁸ *Клестова С. Л.* Историческая концепция В. А. Бутенко: автореф. дис... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2000; *Лыскова И. Е.* Научно-педагогическая деятельность Н. И. Кареева: автореф. дис... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2001; *Зезегова О. И.* Исторические взгляды В. В. Бирюковича (1893–1954): автореф. дис... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2004; *Афанасьева О. С.* Исторические взгляды А. М. Ону (1865–1935): автореф. дис... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2010; *Павлова Т. А.* Парижские секции времен Великой французской революции конца XVIII века в освещении Н. И. Кареева: автореф. дис... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2011.

¹⁹ См., например: *Кирсанова Е. С.* Консервативный либерал в русской историографии: жизнь и историческое мировоззрение В. И. Герье. Северск, 2003; *Цыганков Д. А.* В. И. Герье и Московский университет его эпохи. М., 2008; *Она же.* Профессор В. И. Герье и его ученики. М., 2010.

²⁰ *Чудинов А. В.* «Русская школа» историографии Французской революции XVIII в.: выбор пути // Французский ежегодник. 2009: Левые во Франции. М., 2009. С. 330–347.

²¹ *Tchoudinov A.* L'cole historique russe et la Revolution française: Vladimir Ger-е et Nikolaj Kareev " propos d'Hippolyte Taine

«Русская школа»: выбор пути

В 1911 г. читатели популярного российского журнала «Вестник Европы» нашли на страницах его апрельского номера обзор новейших отечественных исследований о Французской революции XVIII в., принадлежавший перу профессора Петербургского университета Николая Ивановича Кареева. Автор обзора, маститый историк, глубоко уважаемый не только на родине, но и за рубежом, уже в своих первых строках уверенно констатировал:

«Из ученых, не принадлежащих к французской национальности, никто так много за ближайшие 30–35 лет не сделал для изучения французской революции и старого порядка, как русские историки, с которыми в этом отношении не могут быть даже сравнимы историки, принадлежащие к другим национальностям»²².

Год спустя в другом обзоре научной литературы по той же тематике, сделанном для «Исторического обозрения», Кареев почти дословно повторил эту мысль, добавив: «Уже одно то, что успело сделаться известным во Франции, благодаря переводам, дало повод французским критикам говорить о существовании особой “русской школы” в историографии французской революции»²³.

В словах мэтра не было ни малейшего преувеличения: в конце XIX – начале XX в. многие труды российских специалистов по истории Революции действительно были переведены и опубликованы во Франции. Позднее, в конце XX в., многие из этих переводов будут еще и переизданы²⁴. Никогда – ни до, ни после – российские исследования по французской истории XVIII в. не публиковались так часто за рубежом, как в тот период.

Примечательно то, что столь высокого признания российские историки добились за невероятно короткий отрезок времени. Если в других странах, к примеру, в Англии или Германии, истоки национальной историографии Французской революции восходили еще к трудам ее современников, то в России разработкой этой темы историки занялись довольно поздно – лишь в эпоху реформ Александра II. 6 сентября 1868 г. молодой преподаватель Московского университета Владимир Иванович Герье (1837–1919) открыл курс лекций о Французской революции, положив начало ее изучению в нашей стране²⁵. И всего через полтора-два десятилетия в России появились труды о ней на уровне лучших образцов мировой историографии.

Неудивительно, что феномен «русской школы» исследований о Французской революции уже не одно десятилетие привлекает внимание историков. Существуют многочисленные работы, посвященные как «школе» в целом, так и ее отдельным представителям²⁶. Тем не менее

²² Кареев Н. И. Последние работы русских ученых о французской революции // Вестник Европы. 1911. № 4. С. 318.

²³ Кареев Н. И. Эпоха французской революции в трудах русских ученых за последние десять лет (1902–1911) // Историческое обозрение. СПб., 1912. Т 17. С. 13.

²⁴ Guerrier Ж L'abbé de Mably moraliste et politique, étude sur la doctrine morale du jacobinisme puritain et sur le développement de l'esprit républicain au XVIIIe siècle. P., 1886 (repr. – Genève, 1971); Louchisky J. De la Petite propriété en France avant la Révolution et la vente des biens nationaux. P., 1897; *Idem*. L'Etat des classes agricoles en France " la veille de la Revolution. P., 1911; *Idem*. La propriété paysanne en France " la veille de la Revolution (principalement en Limousin). P., 1912; *Idem*. Quelques remarques sur la vente des biens nationaux. P., 1913 (работы И. В. Лучицкого 1897 и 1913 гг. были переизданы позднее под одной обложкой, см.: *Idem*. Propriété paysanne et ventes des biens nationaux pendant la Révolution française / introd. de B. Bodinier, / Teyssier. P., 1999); Karéiew N. I. Les paysans et la question paysanne en France dans le dernier quart du XVIIIe siècle. P., 1899 (repr. – Genève, 1974); Ardasheff P. Les intendants de province sous Louis XVI. P., 1909 (repr. – Genève, 1978); Kovalewsky M. La France économique et sociale " la veille de la Révolution. Vol. 2. P., 1909–1911.

²⁵ Подробнее см.: Иванова Т. Н. В. И. Герье и начало изучения Великой французской революции в России (по материалам лекционных курсов Герье) // Великая французская революция и Россия. М., 1989. С. 153–164.

²⁶ Назову лишь некоторые труды, по которым можно проследить общую эволюцию исследований данного феномена за последние десятилетия: Вебер Б. Г. Историографические проблемы...; Далин В. М. Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981; Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Из новейших работ об

до сих пор далеко не все аспекты этой темы разработаны в достаточной степени. Большинство авторов охотно подчеркивают характерные особенности «русской школы», прежде всего ярко выраженный интерес к социально-экономическим и, особенно, аграрным проблемам, возникший под влиянием народнических идей. В то же время вопрос о точках ее соприкосновения или, напротив, расхождения с другими, современными ей, течениями мировой историографии Французской революции затрагивается гораздо реже. Между тем он представляется ничуть не менее важным, чем выявление характерных черт «русской школы», ведь, чтобы судить о роли того или иного направления в истории мировой исторической науки, необходимо соотносить его со всем спектром современных ему исследований.

Такая постановка вопроса тем более обоснована, что с начала своего существования «русская школа» была тесно интегрирована в мировую науку (в отличие, к примеру, от пришедшей ей на смену советской историографии, существовавшей, по крайней мере на первых порах, достаточно автономно). Показателен пример самого основателя «русской школы» – В. И. Герье. Его предки были своего рода «гражданами Европы»: дед покинул Францию во время Революции XVIII в., поселился в Гамбурге и завел там собственное книжное дело; отец в начале 1830-х гг. переехал из Германии в Россию, где женился на обрусевшей немке. Соответственно, для будущего ученого родными оказались сразу три языка, на которых говорили в его семье – русский, французский и немецкий²⁷. Профессиональное становление Герье также проходило в нескольких странах. По окончании в 1858 г. Московского университета он защитил в 1862 г. магистерскую диссертацию²⁸ и продолжил образование в Западной Европе – в университетах Германии, Италии, Франции и Швейцарии. Особенно сильное впечатление на него произвели лекции и семинары немецких историков Р. Кёпке, Л. Гейсера, Э. Дюммлера, Г. Трейчке и Я. Буркхарда²⁹.

Из-за границы Герье вернулся убежденным гегельянцем. История, считал он, должна изучать прежде всего развитие идей и государственных институтов. Эти соображения определили и выбор им темы докторской диссертации – «Лейбниц и его век», защищенной в 1867 г., а затем опубликованной в России и Германии³⁰. Приступив к чтению лекционного курса по истории Французской революции, Герье изменил направление и своих научных штудий, Переключившись с германских сюжетов на французские, он занялся изучением творчества аббата Мабли, чьи идеи, по мнению Герье, оказали во многом определяющее влияние на мировоззрение революционеров конца XVIII в.

Как и любой исследователь, обращавшийся к теме Французской революции, Герье должен был так или иначе определить свое отношение к современным ему направлениям ее историографии. В 1870-е гг., когда он работал над своими первыми трудами об эпохе Революции, в центре внимания не только ее профессиональных историков, но и широкой читающей публики и Франции, и России оказался труд французского исследователя Ипполита Тэна «Происхождение современной Франции», первый том которого увидел свет в 1876 г.³¹

отдельных представителей «русской школы» обращу внимание на следующие сборники материалов конференций, по которым читатель может составить общее представление о современном уровне разработки соответствующих сюжетов: Николай Иванович Кареев: человек, ученый, общественный деятель / под ред. В. П. Золотарева. Сыктывкар, 2002; История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье / под ред. Л. П. Репиной. М., 2008.

²⁷ См.: *Иванова Т. Н.* Частная жизнь профессора В. И. Герье // История идей и воспитание историей. С. 64–65.

²⁸ *Герье В. И.* Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862.

²⁹ См. выдержки из отчетов В. И. Герье о зарубежной командировке: Журнал Министерства народного просвещения. 1863. Ч. 117. С. 244–253; Ч. 119. С. 422–427; 1864. Ч. 121. С. 273–284. См. также: *Корева Н. С.* Заграничные командировки и их роль на пути к «нелегкому и ответственному профессорству»: В. И. Герье // История идей и воспитание историей... С. 84–94.

³⁰ *Герье В. И.* Лейбниц и его век: в 2 т. СПб., 1868–1871; *Guerrier W.* Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Grosse. Leipzig, 1873.

³¹ *Taine H.* Les Origines de la France contemporaine. T 1. L’Ancien régime. P, 1876.

Сочинение Тэна встретило довольно неоднозначный прием. С одной стороны, либеральная публика, воспитанная на апологетических по отношению к Революции произведениях А. Тьера, Ф. Минье, Ж. Мишле и других классиков историографии этой темы, была чрезвычайно раздражена тем критическим тоном, в котором Тэн писал о революционном движении, и окрестила его труд «реакционным памфлетом»³². С другой стороны, даже те, кому работа Тэна решительно не нравилась, были вынуждены признать впечатляющую эрудицию автора, поскольку сочинение изобиловало ссылками на архивные фонды. Позднее автор посвященной Тэну редакционной статьи либерального российского журнала «Современный мир» так описывал двойственное впечатление у поклонников Французской революции от его книги:

«Тэн был общепризнанным авторитетом; с ним, скрепя сердце, считались даже люди, ненавидевшие его воззрения, – и все потому, что его эрудиция – даже в самых отъявленных врагах его – не встречала сомнений»³³.

В 1878 г. Герье подробно проанализировал труд Тэна в пространной статье, опубликованной в четырех номерах журнала «Вестник Европы»³⁴. Его отношение к этому сочинению разительно отличалось от преобладавшего среди либеральной общественности мнения. Герье решительно отверг любые идеологические интерпретации работы Тэна – как *за*, так и *против* – и призвал судить о ее достоинствах исключительно с научной точки зрения:

«Сочинение Тэна вовсе не имеет характера политического памфлета.

В нем меньше риторики, чем вообще во французских книгах, в нем даже мало общих рассуждений, но зато оно наполнено фактами и цитатами из источников – изданных и не изданных – в таком изобилии, как никогда до Тэна не позволял себе предлагать французской публике ни один из ее любимых писателей.»³⁵

Высоко оценив научное содержание работы Тэна, Герье, однако, высказал о ней и ряд критических замечаний, обвинив автора в определенной «односторонности». Ее причину он видел в примененном французом исследовательском методе, который сам Тэн называл «натуралистическим» (то есть аналогичным принятому в естественных науках), но который сегодня принято называть «позитивистским»: Тэн стремился опираться в своем исследовании прежде всего на первичные, конкретные факты и, только установив их, переходить от частных к обобщениям. Такой подход представлялся Герье излишне ограниченным:

«Тэн, по нашему мнению, сделал все, чего может достигнуть талантливый писатель посредством этого метода; он, можно сказать, извлек из своего микроскопа всю пользу, какую можно было из него извлечь; но дело в том, что это был *микроскоп*, который годится не для всякого рода наблюдений. Наша критика сводится к тому, что Тэн, вооружившись своим методом, стал изучать французскую революцию с такой стороны, на которую прежде обращали недостаточное внимание; но при этом сам упустил из виду главные стороны дела»³⁶.

«Главным» же во Французской революции Герье, являвшийся тогда убежденным гегельянцем, считал некое «духовное содержание», которое, полагал он, по-своему присутствует во всех крупных исторических событиях, являясь частным отражением общего смысла исто-

³² Подробнее см.: *Иттенберг Б. С.* Россия и Великая французская революция. М., 1988 (гл. 7 «Российская общественность и книги Ипполита Тэна о Французской революции конца XVIII в.).

³³ Современный мир. 1908. № 10. С. 132.

³⁴ Герье В. И. Ипполит Тэн как историк Франции // Вестник Европы. 1878. Т 5. № 4, 5, 9, 12.

³⁵ Там же. № 9. С. 236–237.

³⁶ Там же. С. 238.

рии. По его мнению, Революция XVIII в. «представляет собою, прежде всего, попытку осуществить и провести в жизнь идеи и доктрины, развитые рационалистической философией в области религии, этики, политики и вообще человеческой культуры»³⁷. Помимо «переворота в умственной жизни» Герье относил к главным аспектам Революции и «чисто государственный переворот» – централизацию власти, разрушение «феодализма» (этим понятием он обозначал систему прежних государственных и правовых институтов в самом широком смысле слова) и утверждение принципа демократии³⁸.

Ну а поскольку те максимально «заземленные» факты истории революционной повседневности – будней революции, которые приводил Тэн, опираясь на архивные источники, практически никак не были связаны с подобными генерализациями, Герье счел исследовательский метод французского историка недостаточным для понимания общего смысла происшедшего:

«Французская революция имеет свое духовное содержание, подобно другим великим историческим событиям. Это-то духовное содержание, заключающееся в революции, Тэн не мог усмотреть по вине усвоенного им исторического метода»³⁹.

Таким образом, в отличие от большинства других либеральных авторов Герье критиковал Тэна только за методику исследования, а не за политические или идеологические воззрения.

В 1880-е гг. выходили в свет все новые тома Тэна, и каждый из них вызывал и во Франции, и в России очередной всплеск эмоционального обсуждения. Принял в нем участие и Герье, опубликовав в 1890 г. большую статью о творчестве Тэна в целом.

Те двенадцать лет, что отделяли новую работу Герье о Тэне от предыдущей, явно не прошли даром для российского ученого: его восприятие позитивизма стало за это время намного более толерантным, причиной чему, в частности, было благоприятное впечатление от тех научных результатов, которые Тэн получил, применяя позитивистский метод исследования. Гораздо мягче стало и отношение Герье собственно к Тэну, которого он теперь оценивал как одного из «самых талантливых и влиятельных историков нашего времени»⁴⁰.

Если ранее Герье относился с известным скепсисом к привнесению в историографию его французским коллегой методов, заимствованных из других наук, то теперь, когда накопилось достаточно материала, чтобы судить об эффективности применения таких методов, Герье счел подобное новаторство одной из несомненных заслуг Тэна:

«Верный общему направлению своего ума и всей своей ученой деятельности, Тэн пытался самую историю поставить на научную почву, выработать для нее общую теорию и придать ей такую же точность и систематичность исследования и такую же безошибочность результатов, какими обладают науки естественно-исторические и математические»⁴¹.

Особенно высоко Герье оценивал усилия Тэна по исследованию культурной среды изучаемой эпохи и «национального духа», под которым понималась совокупность массовых представлений и традиционных практик того или иного народа, то есть нечто близкое к тому, что сегодня обозначается понятием «менталитет». Изучение подобных аспектов позволяло, по мнению Герье, раздвинуть границы исторических исследований и использовать в качестве источника практически любой объект культуры:

³⁷ Там же. С. 239.

³⁸ Герье В. И. Ипполит Тэн как историк Франции // Вестник Европы. 1878. Т 5. № 9. С. 240–241.

³⁹ Там же. С. 249.

⁴⁰ Герье В. И. Ипполит Тэн и его значение в исторической науке // Вестник Европы. 1890. № 1. С. 5.

⁴¹ Там же. С. 5.

«Мы видели, что, применяя исторический метод к объяснению литературных и художественных памятников, Тэн расширил пределы истории. Мы видели, как он обогатил историю новыми документами и новым фактическим материалом, обращая самые сухие памятники литературного творчества в живые свидетельства прошлого. <...> Теперь, став отражением общей истории, литература и искусство получили характер исторических явлений, и изучение их сделалось изучением исторического прогресса народной жизни»⁴².

Другим важным достижением Тэна Герье считал применение в исторических исследованиях психологического метода. Действительно, французский ученый являл собою редчайший пример энциклопедически эрудированного исследователя, внесшего значительный вклад в развитие столь не схожих и далеких друг от друга дисциплин, как история и психология. И хотя сегодня о заслугах Тэна в области психологии вспоминают в основном лишь специалисты по истории науки, в свое время его труд «Об уме»⁴³ стал одной из важнейших вех в становлении этой дисциплины. В 1890 г., когда Герье опубликовал свою статью, Тэн являлся признанным авторитетом в области психологии. Применение же психологического метода в исторических исследованиях и вовсе было принципиально новым словом в историографии. Как позднее признает классик изучения Революции XVIII в., французский историк Ж. Лефевр, именно благодаря Тэну «коллективная психология стала для историка необходимым инструментом исследования»⁴⁴. Но еще раньше эту заслугу Тэна отметил Герье:

«Тэн не ограничился провозглашением принципа, что история должна быть прикладной психологией, что историк, изображая известную эпоху или людей известной эпохи, должен сделаться психологом; он сам следовал этому принципу, и во многих его сочинениях мы можем встретить применение его психологического метода»⁴⁵.

И, наконец, Герье воздал Тэну должное за то, что французский историк словно средневековый номиналист отвергал реальность существования отвлеченных понятий и старался идти от сугубо эмпирического материала⁴⁶. Впрочем, в этой констатации Герье ничего принципиально нового не было: как мы видели, нечто подобное он отмечал у Тэна еще двенадцатью годами ранее, правда, тогда это скорее было поводом для упрека, теперь же, напротив, для похвалы. Очевидно, методологические предпочтения самого Герье за эти двенадцать лет тоже эволюционировали.

Однако неизменным в позиции Герье и двенадцать лет спустя осталось то, что основатель «русской школы» историков Французской революции по-прежнему, в отличие от других критиков Тэна, анализировал его работы исключительно с профессиональной точки зрения, абстрагируясь от политических взглядов автора. Позднее, в советское время, подобное отношение Герье к творчеству Тэна станут объяснять «реакционностью» политических взглядов обоих. Так, в известном коллективном труде 1941 г. о Французской революции говорилось:

«За разработку французской революции брались и реакционные русские ученые (Герье, Ардашев), полемизировавшие с передовыми представителями буржуазной историографии и солидаризировавшиеся с

⁴² Там же. С. 23–24.

⁴³ *Taine H. De l'intelligence. P., 1870. Vol. 1–2.*

⁴⁴ *Lefebvre G. La naissance de l'historiographie moderne. P., 1971. P. 247.*

⁴⁵ *Герье В. И. Ипполит Тэн и его значение в исторической науке. С. 26.*

⁴⁶ Там же. С. 48.

реакционными французскими историками – Тэном и другими авторами того же направления»⁴⁷.

Однако в основе такого объяснения лежал явный анахронизм. Политические воззрения Герье приобрели достаточно выраженный консервативный характер лишь со времени первой русской революции 1905–1907 гг. Его политическое кредо 1890-х и уж тем более 1870-х гг. точнее определить как умеренно либеральное. Герье активно боролся за университетские свободы, за высшее образование для женщин (в 1872 г. он стал основателем и первым руководителем Московских высших женских курсов) и за сохранение в университетской программе курса Новой истории стран Запада, который консерваторы все время пытались сократить, считая «излишне революционным». Неудивительно, что обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев с осуждением называл тогда Герье «известным московским агитатором и оратором»⁴⁸. «Реакционером» Герье, конечно же, не был.

Дело в другом: Герье всегда весьма негативно относился к привнесению политики в исторические исследования. Это проявилось еще во время его учебы в университете. Тогда среди студентов образовалось два кружка по интересам: «социалисты» – те, кого привлекала политика, и «консерваторы» – те, кто отдавал приоритет исключительно профессиональному совершенствованию. Герье принадлежал ко вторым и, более того, активно участвовал в затеянной ими акции протеста против слабого преподавания одного из предметов⁴⁹.

Позднее, сравнивая российскую и западноевропейскую историографию всеобщей истории, он подчеркивал, что российские ученые обладают по сравнению с европейскими коллегами таким важным преимуществом, как возможность сохранять политическую беспристрастность:

«Всеобщая история имеет пока для русского совершенно иное значение, чем для западного человека. Немец, француз или англичанин не в состоянии отделить всеобщей истории от своей национальной, ибо из взаимодействий наций слагалась всеобщая история. На западе всякий принадлежит к какой-нибудь из старинных партий, корни которых кроются в далеком прошлом и взаимная борьба которых составляет содержание истории. Для русского всеобщая история есть история человеческой цивилизации, на которую он смотрит как на свершившийся процесс. Спокойно и беспристрастно может он вглядываться в этот процесс, волнуясь и скорбя там, где гибла цивилизация и останавливалось дело прогресса, радуясь там, где оно торжествовало. Он не связан преданием и инстинктивным, наследственным влечением к тому или другому началу, к той или другой из исторических партий...»⁵⁰

Позднее, во время и после революции 1905–1907 гг., Герье примет участие в деятельности партии октябристов, что наложит определенный отпечаток политического консерватизма и на его оценки событий более далекого прошлого. Однако в период становления «русской школы» он был ярко выраженным сторонником критического и далекого от какой бы то ни было политической апологетики подхода к изучению истории, в том числе (и особенно) истории Французской революции XVIII в. Герье предлагал молодой «русской школе» тот самый независимый путь, о котором несколькими десятилетиями ранее писал А. И. Герцен:

⁴⁷ Французская буржуазная революция 1789–1794. С. 714.

⁴⁸ Подробнее см.: Савельев П. Ю. Владимир Иванович Герье: человек, ученый, педагог и общественный деятель // История идей и воспитание историей. С. 9; Воробьева И. Г. В. И. Герье и Н. А. Попов – университетские профессора (по материалам переписки) // Там же. С. 98.

⁴⁹ См.: Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Московский университет. М., 1929. С. 15–16.

⁵⁰ См.: [Герье В. И.] Т Н. Грановский в биографическом очерке А. Станкевича // Вестник Европы. 1869. № 5. С. 412.

«Западноевропейский историк – судья и тяжущийся вместе, в нем не умерли семейные ненависти и распри, он – человек какой-нибудь стороны, иначе он апатический эгоист; он слишком врос в последнюю страницу истории европейской, чтобы не иметь непосредственного сочувствия с первой страницей и со всеми остальными. Нет положения объективнее относительно западной истории, как положение русского»⁵¹.

Но российская историография Французской революции пошла тогда другим путем...

К тому времени, когда в России этой тематикой занялись профессиональные историки, среди значительной части российской просвещенной публики уже не одно десятилетие преобладало такое отношение к Французской революции, которое Герцен с полным основанием определял как «культ»⁵². Идеализированный образ этой революции ассоциировался с торжеством «свободы» (которую каждый понимал по-своему) и воспринимался как своего рода предсказание будущего России⁵³. И так же, как и многие их современники, молодые российские историки, приступившие в 1870-е гг. к изучению Революции, оказались адептами этого «культа», ведь они формировались в той самой социальной среде, где он процветал. Кареев, как раз начинавший тогда свой научный путь под руководством Герье, позднее вспоминал:

«Кто начал жить сознательной жизнью в шестидесятых-семидесятых годах минувшего века, тот не мог не задумываться над тем, когда и как захватит Россию в свой неудержимый поток длительная западноевропейская революция, начавшая уже со времени декабристов оказывать влияние на передовые круги нашего общества»⁵⁴.

Неудивительно, что предложенный Герье подход к изучению Французской революции, по возможности свободный от политизации, не встретил отклика в среде либеральной интеллигенции и что наиболее авторитетным и популярным в российском обществе конца XIX – начала XX в. историком этой темы оказался не он, а его ученик – Н. И. Кареев. Огромный научный и общественный авторитет Кареева, ставшего в тот период настоящим лидером «русской школы», объясняется не только его выдающимися способностями исследователя (каковыми, на мой взгляд, в полной мере обладал и Герье), но и тем, что его в целом довольно восторженное отношение к Французской революции отвечало настроениям либеральной части общества. Поэтому не Герье, а именно Кареев с учениками и единомышленниками определил путь дальнейшего развития этого направления российской историографии – путь, сделавший ее частью мировой историографии «апологетического» (по определению Герье) или «классического» (по более позднему определению А. Соболя⁵⁵) направления.

Любопытно, однако, заметить, что сторонники этих разных путей в прямую полемику друг с другом обычно не вступали. Отчасти это, возможно, объясняется тем глубоким уважением, которое ученые «русской школы» питали к ее основателю и своему учителю Герье. Тот же Кареев, несмотря на то что в их личных отношениях с Герье был период довольно длительного отчуждения (на защите докторской диссертации Кареева его наставник выступил с резкой критикой этой работы), всегда признавал себя его учеником⁵⁶. Возможно также, что уни-

⁵¹ Герцен А. И. Публичные чтения г. Грановского // Герцен А. И. Соч. в двух томах. Т 1. М., 1985. С. 203.

⁵² Герцен А. И. Au citoyen rédacteur de l'«Homme» // Он же. Собр. соч. М., 1963. Т 30. Кн. 2. С. 502 [ориг. на франц. яз.].

⁵³ Подробнее см.: Чудинов А. В. Французская революция: история и мифы. М., 2007. Ч. 1. Гл. 1.

⁵⁴ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 289.

⁵⁵ См.: Соболя А. Классическая историография Французской революции. О нынешних спорах // Французский ежегодник. 1976. М., 1978. С. 155–170.

⁵⁶ Подробнее см.: Золотарев В. П. В. И. Герье и Н. И. Кареев: к истории взаимоотношений // История идей и воспитание историей. С. 152–173; Филимонов В. А. Н. И. Кареев и В. И. Герье: опыт реконструкции межличностных коммуникаций // Там же. С. 174–188.

верситетские преподаватели Новой истории Запада старались избегать лишних конфликтов между собой, чтобы не ослаблять свою и так достаточно узкую профессиональную корпорацию, вынужденную постоянно отражать попытки консервативных кругов ограничить преподавание этого учебного курса. Как бы то ни было, позицию Герье по отношению к Французской революции, достаточно критичную и далекую от какой бы то ни было апологетики, никто из российских профессиональных историков напрямую не оспаривал. Однако тот же Кареев не раз выражал свое несогласие с нею косвенным путем – через критику Тэна, которого Герье, как мы видели, высоко ценил.

Впрочем, полемизировать с Тэном на равных российские историки не могли, поскольку для этого требовалось провести по меньшей мере столь же солидные архивные разыскания, какие и он сам проводил. Для исследователей же из России, имевших возможность работать во французских архивах лишь набегами – во время своих научных командировок (пусть даже длившихся по несколько месяцев, а то и лет), это было непросто.

Вот почему появление в 1907 г. работы известного французского ученого Альфонса Олара «Тэн – историк Французской революции»⁵⁷, с критическим разбором сочинения Тэна, стало настоящим подарком для всех, кто жаждал опровержения последнего. Вскоре после выхода в свет работы Олара издатель либерального журнала «Современный мир» заказал автору ее резюме, чтобы ознакомить широкий круг российских читателей с кратким содержанием книги. Публикацию предваряло довольно воинственное редакционное введение, где, в частности, говорилось:

«Вождь контрреволюционной историографии [Тэн] после книги Олара утратил безвозвратно тот колоссальный престиж, которым он так долго и незаслуженно пользовался»⁵⁸.

Вывод самого Олара, по сути, совпадал с этим утверждением:

«Литературная фантазия, обманчивая, показная эрудиция – вот что такое книга Тэна о революции. <...> В итоге книга Тэна по своему общему значению кажется мне почти бесполезной для истории»⁵⁹.

В том же 1908 г. Кареев опубликовал в журнале «Русское богатство» статью «Тэн перед судом Олара», внешне выдержанную (в отличие от вышеупомянутого редакционного вступления «Современного мира») в достаточно нейтральных тонах. Автор, как бы занимая позицию рефери, даже журил Олара за «излишнюю горячность» в полемике:

«Я не скрою наперед и того, что в своей критике Тэна Олар не сумел удержать себя в рамках научного беспристрастия: то же самое, что он вообще говорит, можно было бы сказать в более спокойном тоне, и я даже утверждаю, что аргументация Олара выиграла бы в убедительности при большей объективности»⁶⁰.

И хотя сам Кареев такой «ошибки» не повторял и открыто не принимал в полемике чьей-либо стороны, его рассуждения строились таким образом, чтобы не оставить у читателя ни малейшего сомнения в правоте Олара. Начинался текст хвалой научным заслугам последнего:

⁵⁷ См.: Aulard A. Taine historien de la Revolution française. P., 1907.

⁵⁸ Современный мир. 1908. № 10. С. 132.

⁵⁹ Олар А. Тэн как историк // Там же. С. 145–146.

⁶⁰ Кареев Н. И. Тэн перед судом Олара // Русское богатство. 1908. № 7. С. 171.

«Если бы меня спросили, кто в настоящее время может быть назван лучшим знатоком французской революции, то я, конечно, указал бы на Олара...»⁶¹

Далее следовала характеристика политических взглядов каждого из участников спора, дабы либеральная публика, читающая «Русское богатство» – журнал, постоянно находившийся на грани закрытия за свою оппозицию правительству, получила четкое представление о том, кто здесь «свой», а кто «чужой»:

«...В своих политических взглядах Тэн и Олар принадлежат к двум различным лагерям: Олар – демократ и республиканец, тогда как Тэн, слышавший когда-то в реакционных кругах за вольнодумца и нечестивца, прославился как раз своим резко отрицательным отношением к принципам, положенным в основу демократизма и республиканизма великой революции, и тем самым приобрел популярность и авторитет среди реакционеров не одной притом Франции»⁶².

Дав читателям столь высокую научную («лучший знаток») и политическую («демократ и республиканец») рекомендацию Олара, Кареев далее фактически лишь воспроизводил его основные умозаключения, по сути, предлагая читателям принять их на веру:

«Дело велось, значит, методично, постепенно и, понятно, с большим вниманием. Какой же общий вывод Олара? А тот вывод, что труд Тэна “почти, – как выражается критик, – бесполезен для истории”. К такому выводу приходит он по проверке всех источников Тэна, сколько-нибудь доступных проверке и по рассмотрении способа, каким Тэн ими пользовался»⁶³.

«Разбором отдельных больших эпизодов Олар доказывает ту общую свою мысль, что у Тэна не было ни охоты, ни терпения устанавливать причинную связь фактов, изучать их реальное соотношение, когда можно было просто их нагромождать, и не для того, чтобы действительно что-либо объяснить, а для того, чтобы произвести известное впечатление, поразить воображение, вызвать изумление читателей»⁶⁴.

«Если даже только половину или треть того, что Олар объявляет в ней [книге Тэна] фантастичным, признать действительно таковым, то авторитет Тэна как историка должен считаться совершенно подорванным критикой Олара, пусть и сама она местами может быть названа пристрастной, придирчивой, мелкой»⁶⁵.

И в заключение, на тот случай, если читатели по ходу чтения статьи вдруг забыли о «нейтральности» ее автора (что, признаем, было бы ничуть не удивительно), он вновь слегка пожурил Олара за «излишнюю резкость и односторонность», но сделал это так, чтобы не оставить ни малейших сомнений в том, на чьей стороне его собственные симпатии:

«Олар даже думает, что труд Тэна важен только для “умственной биографии” своего автора и нескольких современников – его учеников, отнюдь не для изучения самой изображаемой им эпохи. Быть может, такое заключение

⁶¹ Там же. С. 170.

⁶² Там же. С. 171.

⁶³ Там же. С. 172.

⁶⁴ Там же. С. 179.

⁶⁵ Там же.

страдает излишней резкостью и односторонностью, но по чистой совести его нельзя считать совсем необоснованным»⁶⁶.

Таким образом, Кареев де-факто солидаризировался с основным выводом Олара, объявившего сочинение Тэна «контрреволюционным памфлетом», который не стоит внимания серьезных историков. Неудивительно, что в дальнейшем именно ссылка на авторитет Олара будет главным доводом в той критике, которую Кареев обратит напрямую против Тэна, а косвенно – против Герье как «большого поклонника этого историка»⁶⁷.

Впрочем, всего лишь два года спустя после выступления Олара его собственная аргументация в этой дискуссии была поставлена под сомнение другим французским исследователем – Огюстеном Кошеном⁶⁸. Скрупулезно перепроверив по архивным материалам доводы Олара против Тэна, Кошен пришел к следующему заключению:

«...Из более 550 ссылок на 140 страницах “Стихийной анархии” [первая часть второй книги “Происхождения современной Франции”] Тэна г-н Олар выделяет 28 существенных ошибок, которые нужно свести к 15, 6 ошибок в переписывании, 4 ошибки в страницах, 2 в датах и 3 типографские опечатки – в общем, приличное среднее арифметическое, до которого самому Олару, по крайней мере, в его книге о Тэне, очень далеко, поскольку он в своих поправках ошибается примерно в каждом третьем случае. <...> Трудно Тэну выпало редкое счастье получить боевое крещение в стычке с противником столь же пристрастным, сколь и ученым. Он приобретает здесь то единственное признание, которого ему не хватает: признание тридцатилетней учености г-на Олара. Каждый приведенный Тэном факт отныне будет иметь два ручательства: ученость автора, который его утверждает, и страсть критика, который его оспаривает. И самые ревностные сторонники Тэна не рассердятся на меня, если я скажу, что второе не мешает первому»⁶⁹.

Правда, сам Кошен едва ли мог быть отнесен к числу «ревностных сторонников Тэна». Защитив последнего от высказанных Оларом сомнений в научной добросовестности, он, однако, на этом не остановился и провел собственный анализ примененной Тэном методологии исследования. Вывод Кошена носил далеко не комплиментарный характер: метод Тэна, считал он, позволяет получить подробное представление о ходе событий, но не объясняет их причины⁷⁰. Эта констатация стала для Кошена исходным рубежом в разработке «социологического метода» исследования Французской революции, основанного на идеях Э. Дюркгейма. Не стану здесь подробно останавливаться на описании данного метода, поскольку ранее уже не раз делал это в других публикациях. Отмечу лишь, что его продуктивность в дальнейшем довольно долго оспаривалась историками «классического» направления, пока наконец не получила широкого признания мировой историографии во второй половине XX в.⁷¹

Но если на Западе с Кошеном хотя бы спорили, то в России его научные идеи остались практически незамеченными. По-настоящему они заинтересовали только Герье. Опубликовано-

⁶⁶ Кареев Н. И. Тэн перед судом Олара // Русское богатство. 1908. № 7. С. 181.

⁶⁷ См.: Кареев Н. И. Последние работы русских ученых. С. 319–320; *Он же*. Эпоха французской революции в трудах русских ученых. С. 95–97.

⁶⁸ *Cochin A. La Crise de l'histoire révolutionnaire: Taine et M. Aulard. P., 1909.*

⁶⁹ Кошен О. Кризис революционной истории. Тэн и г-н Олар // Кошен О. Малый народ и революция. М., 2004. С. 133–134.

⁷⁰ Там же. С. 140–141.

⁷¹ Подробнее см.: Чудинов А. В. Огюстен Кошен и его вклад в историографию Великой французской революции // Французский ежегодник. 1987. М., 1989. С. 220–239; *Он же*. Массоны и Французская революция XVIII в.: дискуссия длиной в два столетия // Новая и новейшая история. 1999. № 1. С. 45–69.

вав в 1911 г. обширное сочинение об интерпретации Французской революции Тэном⁷², патриарх «русской школы» отвел там место и взглядам Кошена. Хотя последний привлек внимание Герье прежде всего как участник полемики вокруг труда Тэна, автор книги не ограничился рассмотрением только этой стороны творчества Кошена и дал первое в российской историографии аналитическое изложение его концепции якобинизма⁷³. Дабы оценить, насколько Герье опередил тут свое время, достаточно вспомнить, что вновь в поле зрения отечественных историков Французской революции работы Кошена окажутся только во второй половине 1980-х гг., то есть семь с половиной десятилетий спустя⁷⁴.

Почему же старик Герье, так рано оценив оригинальность идей Кошена, сумел сделать то, что оказалось не под силу его ученикам и более молодым коллегам? Самое простое объяснение, которое часто приводят в схожих случаях, это – сходство их политических убеждений: мол, консерватор консерватора... Однако такое «объяснение» в действительности мало что объясняет, поскольку концепция Кошена заинтересовала Герье прежде всего не в политическом или идеологическом, а в научном плане. Могу предположить, что решающую роль здесь сыграла все же не столько идеологическая близость их воззрений (на самом деле, более чем относительная), сколько та открытость Герье для восприятия научных достижений других историков, независимо от их политических убеждений, которую он демонстрировал с самого начала своей научной деятельности.

Напротив, для его коллег по «русской школе», добровольно вставших в ряды «апологетической» историографии Французской революции, даже научные идеи Кошена, являвшегося их идеологическим оппонентом, оказались неприемлемы. К тому же, «заметив» Кошена, пришлось бы «заметить» и его опровержение той критики, с которой Олар обрушился на Тэна и которая доставляла такое удовольствие либеральной общественности. Поэтому работы Кошена другими историками «русской школы» помимо Герье были попросту проигнорированы.

Характерна в данном отношении позиция лидера «русской школы» – Кареева. Внимательный и дотошный историограф, он прекрасно знал современную ему научную литературу, охотно и часто писал о ней. Однако за всю свою научную карьеру он так и не нашел времени для аналитического разбора научной концепции Кошена и если мельком упоминал о нем, то исключительно как об «авторе замечаний на критику» Оларом Тэна⁷⁵.

Отвергая труды Тэна и Кошена по идеологическим соображениям, российская либеральная историография отказалась от применения в исторических исследованиях «психологического метода», предложенного Тэном и от использования в изучении истории социологического метода Э. Дюркгейма, за что ратовал Кошен. В результате эти методы, в дальнейшем широко освоенные зарубежной исторической наукой, в России до конца XX столетия практически не применялись. Научная целесообразность оказалась принесена в жертву идеологическим соображениям. Это был сознательный выбор, о чем Кареев так писал на склоне лет:

«И вот тут также задавался мне вопрос, не заставила ли меня наша революция переменить взгляд на Тэна. И опять я считал себя вправе сказать, что не имел ни малейшего для этого основания. По старой традиции, воспитавшейся на более ранних историях революции (Минье и Тьера, Мишле и Луи Блана), бывших ее апологиями, прежде всего бросалась в глаза казовая, героическая, праздничная сторона революции, сделавшаяся поэтической легендой. Клятва в *Jeu de raime*, взятие Бастилии, ночь 4 августа, праздник

⁷² Герье В. И. Французская революция 1789-95 гг. в освещении И. Тэна. СПб., 1911.

⁷³ Там же. С. 463–470.

⁷⁴ Подробнее см.: Чудинов А. В. Французская революция: история и мифы. Ч. 2. Гл. 1.

⁷⁵ См.: Кареев Н. И. Последние работы русских ученых. С. 319–320; *Он же*. Эпоха французской революции в трудах русских ученых. С. 96; *Он же*. Историки Французской революции. Т. 3. Л., 1924. С. 158, 160.

федерации, “Декларация прав”, “Марсельеза”, – какие это, в самом деле, красивые, эффектные вещи, способные настраивать на повышенный тон. Но все это именно поэтическая, праздничная, казовая сторона революции, у которой была своя проза, свои будни, своя изнанка, рядом с героизмом, своя патология. Ее-то Тэн нарочито, но односторонне выдвинул вперед. Наша революция в этом отношении для меня не представляла ничего нового, ничего, что было бы мне раньше неизвестно, и Тэн остался для меня таким же Тэном, каким был и раньше...»⁷⁶

Единожды выбрав путь апологетики «казовой» стороны Революции, мэтр «русской школы» остался верен ему до конца.

⁷⁶ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 292.

Глава 2

Второе «открытие» Кошена

После неудачной попытки В. И. Герье привить идеи Огюстена Кошена отечественной историографии российские историки забыли об этом французском исследователе почти на восемь десятков лет. И только в 1989 г. практически одновременно сразу три автора – академик, член-корреспондент и соискатель кандидатской степени – вновь попытались привлечь внимание публики к творчеству Кошена. Первые два сделали это целенаправленно, третий – благодаря удачному стечению обстоятельств.

Член-корреспондент АН СССР, математик и диссидент И. Р. Шафаревич положил разработанную Кошеном историко-социологическую схему возникновения Французской революции в основу памфлета «Русофобия», опубликованного в тот год журналом «Наш современник» (№ 6 и 11). Сочинение вызвало общественный резонанс, но в силу своего сугубо публицистического характера не затронуло сферы профессиональных исторических исследований.

Статья академика А. Л. Нарочницкого в журнале «Новая и новейшая история», напротив, адресовалась практикующим историкам. Автор курировал в Академии наук мероприятия, приуроченные к 200-летию Французской революции, а потому его текст носил во многом установочный характер, указывая, на что именно советские специалисты по данной теме должны обращать особое внимание. К числу наиболее важных задач на ближайший период было отнесено и критическое изучение работ Кошена:

«Почти неизвестным для советских ученых является консервативный историк первой четверти XX в. <...> О. Кошен. Его книги об упрочении в 1793–1794 г. неких “обществ мысли”, фанатически добивавшихся осуществления чисто абстрактных идей Руссо о равенстве и общей воле, стали евангелием историков ревизионистской школы, прежде всего Ф. Фюре. Труд Кошена пронизан отвращением к якобинизму и натянутыми искусственными концепциями. Представляется целесообразным подвергнуть анализу взгляды Кошена, первым выступлением которого была защита И. Тэна от критики его А. Оларом. <...> Всегда лучше иметь дело с оригиналом, а не его копией: критика Кошена будет более плодотворна, чем разбор повторения его мыслей историками-“ревизионистами”»⁷⁷.

Ранее я уже высказывал мнение об этой установке, поэтому сейчас позволю себе просто процитировать свою прежнюю оценку, тем более что с тех пор она ничуть не изменилась. «Похоже, сам А. Л. Нарочницкий был не слишком хорошо знаком с творчеством Кошена: в книгах последнего речь шла о распространении “обществ мысли” в дореволюционный период, а не в 1793–1794 г., когда на смену им пришли революционные клубы. Да и определение погибшего в 1916 г. Кошена как “историка первой четверти XX в.” выглядело не очень точным. Иными словами, этот французский исследователь был тогда “почти неизвестен” не только советским ученым в целом, но и самому автору статьи. Впрочем, это не помешало последнему дать четкую установку на “изобличительную” трактовку идей Кошена, априорно охарактеризованных как “натянутые искусственные концепции”. Тем не менее статья отражает и явный прогресс даже в этом “обличительном” подходе: для “опровержения” консервативного историка она призывает хотя бы изучить его работы, без чего раньше вполне обходились»⁷⁸.

⁷⁷ Нарочницкий А. Л. Юбилей Французской революции: поиски и проблемы // Новая и новейшая история. 1989. № 3. С. 16.

⁷⁸ Чудинов А. В. Французская революция: история и мифы. М., 2007. С. 137.

И, наконец, в том же 1989 г. во «Французском ежегоднике» увидела свет статья о творчестве Кошена, написанная автором этих строк⁷⁹. Публикация ее имела предысторию. Сдав по окончании вуза в 1984 г. вступительные экзамены в аспирантуру Института всеобщей истории, я, однако, поступить туда не смог, так как за несколько дней до зачисления был призван в армию. По возвращении в 1986 г. я решил не связываться вновь с поступлением в аспирантуру и ограничился оформлением соискательства. Для сдачи кандидатского минимума по специальности требовалось представить два реферата, из них один – по другой стране и другому периоду, чем те, которым посвящена диссертация. Поскольку темой моей диссертационной работы были воззрения английского мыслителя XVIII в. Джеймса Макинтоша, я решил взять для реферата сюжет по французской историографии XX столетия. Выбор пал на О. Кошена. Тогда советские франковеды активно обсуждали (а те, что принадлежали к старшему поколению, столь же активно осуждали) вышедшую несколькими годами ранее книгу Франсуа Фюре «Размышляя о Французской революции»⁸⁰, значительная часть которой была отведена Кошену. Не найдя в отечественной литературе не только никаких подробностей, но даже кратких сведений о последнем, я решил написать реферат о нем именно для того, чтобы самому разобраться, кто это и почему его так высоко оценил лидер «ревизионистов»⁸¹, чьи работы взрывали одну за другой еще недавно, казалось бы, незыблемые основы «классической» трактовки Французской революции.

В разгар Перестройки попасть в спецхраны библиотек стало гораздо проще, чем ранее, и, добравшись до книг Кошена (а они находились именно в спецхране), я приступил к их изучению. Это было столь увлекательно, что получившийся на выходе текст оказался по содержанию и объему значительно сложнее обычного реферата. Впрочем, написан он был исключительно для удовольствия, без какой-либо мысли о возможной публикации.

В аспирантуре его отдали на рецензию Галине Сергеевне Чертковой, известному специалисту по Французской революции и члену редколлегии «Французского ежегодника». От нее-то я и получил приглашение напечатать статью о Кошене в этом самом авторитетном у нас в стране периодическом издании по истории Франции. Небольшая коллизия, правда, возникла, когда текст уже ушел на редактирование. Встретившись со мной однажды в Институте, Галина Сергеевна сообщила, что профессор А. В. Адо, тоже входивший в редколлегию «Ежегодника», советует мне поправить концовку статьи и подчеркнуть: работы Кошена в наше время представляют интерес не сами по себе, а лишь как источник вдохновения для критиков марксистской историографии. К Анатолию Васильевичу я всегда относился с большой теплотой и уважением: прекрасный человек и выдающийся ученый, он являлся в то время бесспорным лидером корпорации отечественных историков Французской революции⁸². И все же его совету я не последовал, так как был не согласен с подобной оценкой Кошена. По счастью, Анатолий Васильевич не настаивал, и статья благополучно увидела свет в первоизданном виде.

С тех пор минуло ровно тридцать лет. В дальнейшем мне еще не раз приходилось касаться отдельных аспектов научного наследия Кошена⁸³, однако к общему обзору его творчества я более не обращался. Как, впрочем, и никто другой из отечественных историков. Веро-

⁷⁹ *Он же*. Огюстен Кошен и его вклад в историографию Великой французской революции // Французский ежегодник. 1987. М., 1989. С. 220–239.

⁸⁰ *Furet F. Penser la Révolution française*. P., 1978. Позднее книга вышла на русском языке под названием «Постижение Французской революции» (СПб., 1998).

⁸¹ «Ревизионистами» этих историков называли их оппоненты, в т. ч. в советской научной литературе. Сами же они определяли себя как «критическое направление» историографии.

⁸² О нем см.: *Бовыкин Д. Ю.* Анатолий Васильевич Адо: образ и память. Саратов, 2007.

⁸³ См.: *Чудинов А. В.* Размышления англичан о Французской революции. М., 1997. С. 121–129; *Он же*. Французская революция: история и мифы. С. 154–161.

ятно, поэтому тот старый текст до сих пор востребован, о чем, в частности, свидетельствует его индекс цитирования. Исходя из этого, я и включил его в свою книгу.

Разумеется, он несет определенный отпечаток своего времени, из-за чего местами выглядит анахроничным. Наиболее заметное из таких мест – вступительный пассаж о роли идеологической борьбы как движущей силы развития историографии Французской революции. Формируясь в лоне советской исторической школы, мы со студенческой скамьи постоянно слышали от наставников, что историография представляет собою форму идеологической борьбы, которая, в свою очередь, есть проявление борьбы классово́й, – слышали настолько часто, что стали уже воспринимать это как общее место. И хотя по сути сказанное в начале статьи абсолютно верно – историография Французской революции действительно на протяжении практически всего своего существования развивалась под мощным воздействием идеологических дискуссий, тем не менее с жизненным и научным опытом пришло убеждение, что подобная ситуация – совсем не предмет для восхищения, а скорее то, к преодолению чего надо неуклонно стремиться. Естественно, ни один ученый не может быть полностью свободен от влияния духа времени, от каких-либо политических симпатий или антипатий, но, отдавая себе в этом отчет, он должен изо всех сил стараться оградить от них свои исследования насколько возможно.

Еще одно место статьи, где различима печать прошедшей эпохи, это – уверенность автора в необходимости «поиска объективных закономерностей, знание которых позволило бы дать научное объяснение причин революционных событий». За прошедшие с тех пор годы мои собственные исследования революционной истории и знакомство с работами коллег, напротив, привели меня к убеждению, что революция во Франции была не результатом каких-либо «объективных закономерностей», доказать существование которых никому так и не удалось, а следствием уникального совпадения по времени целого ряда негативных факторов – своего рода социального резонанса, приведшего к краху Старого порядка⁸⁴.

Впрочем, я сохранил в статье оба эти места, чтобы не нарушать архитектуру текста. Единственное, что я позволил себе, это уточнить отдельные термины, чтобы, не меняя сути текста, избавить его от излишних архаизмов. В частности, при упоминании Французской революции я опускаю распространенный в советской историографии эпитет «Великая». Не используемый больше нигде в мире, он появился в отечественной исторической литературе на исходе XIX в. как порождение «культы Французской революции», распространенного среди оппозиционной части российской интеллигенции, которая придавала этому событию сакральное значение пророчества о будущем России⁸⁵. Интеграция же современной российской историографии Французской революции в мировую науку привела к унификации применяемых терминов и побудила специалистов по данной тематике отказаться от этого, локально применявшегося, понятия, которое к тому же отягощено коннотациями, не имеющими ничего общего со светским научным знанием.

В остальном оригинальный текст статьи остался неизменным.

⁸⁴ Подробнее см.: Чудинов А. В. Истоки революции // Всемирная история. Т 4: Мир в XVIII веке. М., 2013. С. 644–655.

⁸⁵ Подробнее см.: Чудинов А. В. Французская революция: история и мифы. Ч. 1. Гл. 1. С. 10–24.

Огюстен Кошен и его вклад в историографию Французской революции

Не много найдется в исторической науке тем, разработка которых сопровождалась бы столь же острой идеологической борьбой, какая ведется уже на протяжении двух столетий вокруг Французской революции. Именно идейное противоборство, желание различных общественно-политических сил дать свою интерпретацию событий, развернувшихся во Франции на исходе XVIII столетия, играют роль катализатора, способствующего бурному росту данной отрасли историографии. Стремление обнаружить уязвимые места в концепции своего не только научного оппонента, но и идейного противника, побуждает историков углублять изыскания, вводить в оборот новые источники, обращаться к разработке малоизвестных аспектов темы. Диалектика борьбы противоположностей, борьбы непримиримой, ибо за идеологической оболочкой скрываются классовые интересы, движет вперед историографию Революции, и каждый новый ее виток связан с именами ученых, которые с разных мировоззренческих позиций вносили свой вклад в исследование революционного десятилетия.

О Французской революции написаны тысячи книг и статей, но если авторов одних знает каждый образованный человек, то о создателях других помнят теперь только специалисты. Кто сегодня читает Томаса Кристи, Фридриха Гентца или Огюстена Баррюэля? Их сочинения, широко известные в конце XVIII в., теперь можно отыскать только в отделах редкой книги. Есть, однако, и третья категория авторов, не снискавших признания современников и довольно прочно забытых, но десятилетия спустя вызванных к жизни и поднятых на поверхность потоком идеологической борьбы, насквозь пронизывающей историографию Великой революции XVIII столетия. К их числу принадлежит французский историк начала XX в. Огюстен Кошен.

Труды этого рано ушедшего из жизни исследователя, увидевшие свет лишь после его смерти, более полувека почти не привлекали к себе внимания специалистов. В 1970 г. А. Собуль упоминал о них как об устаревших и представляющих интерес только для историков исторической науки⁸⁶. Но спустя несколько лет положение круто изменилось. В 1978 г. один из виднейших историков-«ревизионистов», Ф. Фюре, поместил в своей на шумевшей книге «Размышляя о Французской революции» пространный очерк, посвященный Кошену, где тот наряду с А. Токвилем был объявлен «единственным историком, предложившим точную трактовку (*une conceptualisation rigoureuse*) Французской революции»⁸⁷. Сочинение Фюре вызвало немало откликов⁸⁸. О Кошене заговорили. В конце 1970-х гг. его основные работы были переизданы⁸⁹. По словам Ж. Бэшле, автора предисловия к «Духу якобинизма», идеи Кошена звучат сегодня гораздо актуальнее, чем при его жизни. Более того, согласно Бэшле лишь один Кошен из всех когда-либо писавших о Революции сумел приблизиться к правильному ответу на вопрос: почему во Франции конца XVIII в. произошел революционный взрыв?⁹⁰

Итак, кто же он – Огюстен Кошен – и почему его труды, пережившие второе рождение, получили в наше время столь восторженные оценки ряда французских историков и социологов?

О. Кошен родился в Париже 22 декабря 1876 г. Его отец, барон Дени Кошен, член Французской академии, ревностный католик, принадлежал к кругу политиков крайне правого толка.

⁸⁶ Soboul A. La civilisation et la Révolution française. P., 1970. Vol. 1.

⁸⁷ Furet F. Penser la Révolution française. P., 1978. P. 9–10.

⁸⁸ См., например: Le Roy Ladurie E. Une nouvelle interprétation de la Révolution // Monde. 1979. 12 janv.; Hirsch J. P. Pensons la Révolution française // Annales. E. S. C. 1980. N 2; Годуно Ж. О книге Ф. Фюре // Французский ежегодник. 1978. М., 1981.

⁸⁹ Cochin A. La Révolution et la libre-pensée. P., 1978; *Idem*. L'esprit du jacobinisme. P., 1979.

⁹⁰ Baechler J. Preface // Cochin A. L'esprit du jacobinisme. P. 31.

Закончив Школу хартий, Огюстен защитил в 1902 г. диссертацию по истории Франции XVII в. С 1903 г. он начал заниматься изучением Французской революции XVIII в. В 1904 г. Кошен на основе документов Национального архива написал статью о выборной кампании 1789 г. в Бургундии. В 1904–1908 гг. Кошен работал в архивах Бретани, собирая материал для монографии⁹¹. В 1908 г. он временно прервал свои изыскания для участия в дискуссии о сочинении Ипполита Тэна «Происхождение современной Франции»⁹². В 1909 г. Кошен опубликовал очерк «Кризис революционной историографии: Тэн и Олар»⁹³. В последующие годы, вплоть до начала Первой мировой войны, Кошен вел подготовительную работу для создания фундаментального труда по истории якобинской диктатуры. Война помешала ему закончить исследование. 8 июля 1916 г. капитан Кошен погиб в сражении на Сомме.

После войны ряд работ О. Кошена был опубликован. В 1920 г. появился первый том собрания документов «Акты революционного правительства»⁹⁴, подготовленный им совместно с Ш. Шарпантье. В 1921 и 1924 гг. мать О. Кошена издала два сборника его трудов⁹⁵. В первый – «Общества мысли и демократия: Этюды революционной истории» (в 1979 г. он вышел под названием «Дух якобинизма») – были включены уже ранее публиковавшиеся статьи и очерк 1909 г. о сочинении Тэна. Во второй – «Революция и свободомыслие» – вошли подготовительные материалы теоретической части исследования по истории якобинской диктатуры. В 1925 г. увидела свет двухтомная монография о выборах в Бретани. И хотя Кошен не закончил свой основной труд, даже то, что он успел написать, дает ясное представление о его концепции Французской революции.

Время, когда работал Кошен, – начало XX в. – было переломным для французской исторической науки. Занятая описанием явлений преимущественно политического характера, позитивистская историография, наиболее крупным представителем которой среди исследователей Революции был А. Олар, в значительной степени исчерпала возможности для дальнейшего продвижения вперед. Споры о новых путях изучения Революции приобрели тогда чрезвычайно острый характер. Свои мысли по этому поводу Кошен и высказал в брошюре «Кризис революционной истории: Тэн и Олар».

Краткая предыстория ее такова. В 1876–1893 гг. представитель правого крыла французской историографии И. Тэн выпустил свой знаменитый многотомный труд «Происхождение современной Франции», вторая часть которого была посвящена Революции XVIII в. П. А. Кропоткин дал следующую весьма точную оценку этой работы: «Тэн – историк вполне враждебный если не самой революции, то формам, в которые она вылилась... А между тем, несмотря на эту враждебность, самый восторженный поклонник не может не понять, что Тэн внес совсем новый элемент и – странное дело – элемент этот – народ». «Дело в том, – продолжает Кропоткин, – что у Тэна история революции является в совершенно ином виде, чем у других историков. Люди, на которых сосредоточивалось внимание прежних историков, у него исчезают. Его книга написана не для возвеличивания Робеспьера, как “История” Луи Блана, не для оправдания Дантона, как художественная история Мишле, – в ней видно, как народ делал революцию... Правда, народ является у Тэна в ложном свете, потому что вы видите его разрушительную деятельность, но не видите причин ее... Но вы все-таки видите у Тэна то, чего нет ни у

⁹¹ *Cochin A.* Les sociétés de pensée et la Révolution en Bretagne. 1788–1789. Vol. 1–2. P., 1925.

⁹² *Taine H.* Les origines de la France contemporaine: La Révolution. Vol. 1–3. P., 1878.

⁹³ *Cochin A.* La crise de l'histoire révolutionnaire: Taine et M. Aulard. P., 1909.

⁹⁴ Actes du gouvernement révolutionnaire (23 août 1793 – 27 juillet 1794) / Recueil des documents publiés par MM. A. Cochin, Ch. Charpentier. P., 1920. T. 1: 23 août – 3 décembre 1793.

⁹⁵ *Cochin A.* Les sociétés de pensée et la démocratie. Etude d'histoire révolutionnaire. P., 1921; *Idem.* La Révolution et la libre-pensée. P., 1924.

одного историка, именно стихийное движение... После Тэна формальная история революции уже невозможна»⁹⁶.

Эти особенности сочинения Тэна вызвали резкую критику со стороны либеральных историков, и прежде всего наиболее видного из них – Альфонса Олара. Либеральная, республиканская историография, защищая ведущие начало с 1789 г. традиции либеральной демократии, не желала «компрометировать» Революцию признанием факта широкого размаха народного насилия в революционные годы. В 1907 г. Олар выпустил книгу «Тэн – историк Французской революции»⁹⁷. Отметив все, даже самые мелкие, ошибки Тэна, вплоть до неточностей в сносках, Олар сделал вывод, что работа этого исследователя оказалась «совершенно бесполезной для исторической науки». Выступление Олара послужило поводом для появления брошюры Кошена, который, однако, не ограничился рассмотрением позиций участвовавших в дискуссии сторон, а попытался дать собственную оценку положения во французской историографии революции на рубеже XIX–XX вв. Подчеркнем, что поскольку Кошен видел кульминацию революционных событий в якобинской диктатуре, то и к другим историкам он относился в зависимости от того, как они трактовали данный период.

⁹⁶ Кроноткин П. А. Великая французская революция, 1789–1793. М., 1979. С. 455, 458–460.

⁹⁷ Aulard A. Taine, historien de la Révolution française. P. 1907.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.